

А.Л.Панищев
(Россия, г. Курск)

ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ В КОНФИГУРАЛЬНОЙ И ПОСТКОНФИГУРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРАХ

На рубеже XX – XXI веков вопрос о характере взаимоотношений между культурами приобрел особую остроту. Выявление типов культур, их особенностей, прогнозирование их динамики развития в определенных ситуациях, реакции на какие-либо процессы стали актуальными вопросами. Такое положение дел в мире в значительной степени объясняется активизацией процессов интеграции разных стран в общую систему. Особую роль в этой интеграции играют страны Востока и Россия. Однако, если тип восточных культур в некоторой степени ясен, то для России он еще не определен. В этой работе я постараюсь выявить характерные черты и тип русской культуры. В данной работе термины «культура» и «этнос» будут взаимозаменяемы, так как этнос, на мой взгляд, определяет в генезисе своего развития тип и особенности культуры. Под термином «культура» в данной работе понимается *система сложившейся и укорененной в ментальности этноса в ходе исторического процесса совокупности норм, правил, ценностных ориентаций, стереотипов*. Именно культура выделяет этнос как самостоятельную общественную систему, определяет самообраз, доминирующий в социуме, частично язык, а также общие принципы, вокруг которых складывается этнос.

В работе Т. Г. Стефаненко «Этнопсихология» (М. 1999 г.) различаются два типа культур. Первый, постконфигуральный тип культуры, характеризуется *редкой частотой перемен, медленным ходом социальных процессов, а прошлое одного поколения является программой будущего для следующего*. Второй, конфигуральный тип культуры, отличается *преобладанием модели поведения современников при сохранении связи поколений*. Так, если культура носит постконфигуральный характер, то ее ориентиры, ценности могут инкорпорироваться достаточно глубоко, что дает культуре относительную независимость этноса от внешних факторов, а сознанию людей – от кризисов внутри страны. Это может обуславливать стабильное развитие культуры, сильный и самобытный выбор пути своей эволюции, компенсирующей в определенной степени ее слабые адаптационные способности.

Одним из оснований для разделения культур на два типа является характер мотивации представителей этих культур в принятии решений, а также факторы влияющие на решения человека. Так, представитель конфигуральной культуры опирается в решении каких-либо вопросов на свои внутренние мотивы и побуждения, а человек постконфигуральной культуры - на условия, сложившиеся вокруг него. Из этого, на мой взгляд, следует, что один этнос, характеризующийся постконфигуральным типом культуры, в случае кризиса стремится адаптировать свое сознание к изменившимся условиям. Например, в конце XX в. Китай адаптировался к рыночной экономике так

успешно, что даже европейцы сегодня удивляются "прагматизму" в Китае. Это особенно интересно, если учитывать, что на протяжении столетий китайская культура была самодостаточной. Высокий уровень исторического самосознания определял независимость китайской культуры от соседних этносов, а их присутствие было совсем не главным условием самоидентификации в культурном пространстве, развития национального самосознания в Китае. Поэтому вектор ориентаций в Китае был направлен на внутренние вопросы и противоречия, принятие важных решений объяснялось внутренними мотивами и побуждениями. В результате, китайский этнос мог развиваться на основе исторического самосознания, а передовая мысль в разных сферах культуры, как правило, имела связь с прошлым. Однако Китай как целостная цивилизация складывалась из многих государственных образований, часто с разными политическими и социальными особенностями, что с осуществлением политических и социальных изменений заставляло людей адаптировать свое сознание к новым условиям. Таким образом, противоречия и перемены внутри культуры, а не вокруг ее были одним из условий эволюции китайской культуры и складывания некоторых элементов постконфигуральной культуры в Китае. Другой же народ (конфигуральная культура) пытается воссоздать первоисток своей культуры. К такому типу культуры, на мой взгляд, можно отнести польскую культуру, которая на протяжении всего XIX в. пыталась вернуть себе тот статус и значение на международной арене, которое имела в период своего расцвета в XIV-XV веках. Польский этнос — один из немногих, сохранивший культурный и религиозный фундамент как свою органичную часть. Традиции, незыблемость религиозных представлений в условиях политической зависимости в XVIII-XIX веках от крупных соседних стран с другой политической системой оказались особенно необходимы Польше для сохранения своей самобытности. Глубокое укоренение своей культурной традиции в историческом сознании народа выглядит защитной реакцией этноса от внешних влияний во время политического упадка. Таким образом, можно сделать вывод, что одним из критериев для определения типа культуры, может быть *способ выхода ее из кризиса*.

В русской культуре есть черты конфигурального типа. На их присутствие указывает то, что русский народ на протяжении длительного исторического периода сам определял пути преодоления кризисов, стремился создать такие условия, которые способствовали его развитию. Примером этому может служить свержение ордынского ига. Некоторые же другие культуры, в случае кризиса, приспособливали свое сознание к окружающей среде, жертвуя своей самобытностью. Например, после распада Орды образовалось несколько мелких ханств, которые, приспособливаясь к исламу с одной стороны и выдерживая натиск христианства с другой, потеряли свою самобытность и вошли в состав России в 1552-1783 гг.. Однако процессы, происходящие в России с начала 90-х годов, свидетельствуют об изменении ментальных ориентаций в русской культуре или о серьезном кризисе в ней, результаты которо-

го определить пока еще сложно. Одной из причин упадка культуры, на мой взгляд, следует назвать сильную привязанность всех областей жизнедеятельности общества к политическому строю СССР. Разрушение советского строя, естественно, привело к дезинтеграции остальных сфер общественной жизни. Оказавшись без ясно обозначенных целей, с размытыми основами для самоидентификации в социокультурном пространстве и с подорванной общим кризисом волевой сферой, российское общество оказалось особенно восприимчивым к самым различным внешним влияниям. Неудивительно, что вскоре русскому народу стали навязывать ценности, установки, противоречащие русской социокультурной традиции, историческому самосознанию этноса. Так, в современной России часто самооценка, самоидентификация индивида в социуме обуславливается его *экономическим положением*, что противоречит традиционным социальным представлениям, религиозному мировоззрению, сложившемуся за время предыдущей эволюции ментальности русского человека. «В русском религиозном сознании материальные богатства никогда не почитались высшей ценностью, а богатство человека не вселяло в него уверенность в собственном превосходстве. Это отчасти связано с тем, что русское религиозное сознание до недавнего времени оставалось ориентированным на аграрно-патриархальную, а не на индустриальную модель в обществе». (Коваль Т. Этика труда православия // *Общественные науки и современность*, 1994, № 6). На протяжении веков одной из главных ценностей для русского человека была земля, труд на которой служил не средством наживы или торга, а возможностью помощи ближнему и духовного самосовершенствования, что коррелирует с религиозным сознанием. Наглядным примером этому служит жизнь русских святых, а также наличие ряда традиций в русской общине. Так, до начала XX в. в русской деревне сохранялось явление «хождение по кусочкам», суть которого заключалась во взаимопомощи крестьянских семей, причем даже в отсутствии урожая в регионе. Уже это явление свидетельствует об укоренившихся ценностных доминантах в ментальном мире русского общества, которые противоречат насаждаемым ценностям в современной России. В силу проявления таких противоречий в ценностных ориентациях ментального мира россиян, в историческом самосознании происходит разрушение ценностного самообраза. А ведь на его основе «человек ориентируется в спонтанно или методически трансформирующихся психических реальностях и выбирает индивидуально значимую траекторию самореализации» (Генисаретский О. *Культурно-антропологическая перспектива* // www.russ.ru/antolog/inoe/genis.htm/genis.htm). Попытки же самореализоваться и самоидентифицироваться в социуме на основе материальных благ приводят к бесполезной растрате этих благ, деградации личности и народа в целом. Именно противоречие исторического самосознания с новыми инородными ориентациями является одной из существенных причин духовного кризиса, поставившего под угрозу самобытность русской культуры.

Тем не менее, по моему мнению, выход из кризиса русской культуры возможен. Одним из оснований для возрождения исторического самосознания и самоидентификации этноса в социокультурном пространстве могут служить воссозданные традиции. Значение традиций, как носителей элементов социо-культурного прошлого, очень существенно. Укореняясь в ментальном мире этноса, традиции отражают его ценностные доминанты, общие принципы и проделывают тот же эволюционный путь, что и национальное самосознание.

В России роль традиций была всегда важна, они выражали особенности русской культуры. Для укоренения православия на Руси многие языческие традиции и обряды, следуя за вектором развития сознания, воплотили в себе ряд христианских принципов, не оказываясь в противоречии с миропониманием в дохристианской Руси. Позднее, в период реформ патриарха Никона небольшие изменения в обрядах вызвали настоящий раскол в обществе, отзвуки которого имеют место и сейчас. Традиции и обряды, как можно заметить, отражают в себе мировоззренческие основы культуры в целом. Так, А. Мень писал: «...человек — существо не только духовное, ... дух в нем теснейшим образом связан с душевной и телесной жизнью. Именно поэтому дух ищет своего воплощения. Любовь и горе, одобрение и восхищение — разве не проявляются они в жестах, в своего рода “ритуальных” действиях?» (Православное богослужение, таинство, слово и образ. М., 1991, с. 9). Динамичность вектора генезиса ментальности этноса в значительной степени определена связью традиции с имманентным состоянием народа и отдельных его представителей. Посредством традиций происходит становление и закрепление механизмов самоорганизации культуры. Э.С.Маркарян замечает: «Изучение традиций должно происходить, прежде всего, в соответствии с фундаментальными принципами самоорганизации... традиция — нечто находящееся в постоянном движении, изменении, и источник этого движения в ней самой» (См.: Лурье С. В. Культурная антропология в России и на Западе: концептуальные различия// Общественные науки и современность, 1997, № 2, с.148). Тем самым традиция предстает органичной частью сознания и самосознания этноса.

Традиционализм русской общины всегда был составной частью житейского уклада в русской деревне, что, если следовать определению конфигурального типа культуры, не соответствует характеристикам этого типа. Помимо того, такая черта ментальности русского народа, как инертность, противоречит направленности конфигуральной культуры, к которой в начале данной работы была отнесена русская культура. Следовательно, русская культура в своем эволюционном развитии *сочетала в себе черты обоих типов культур*, причем за счет традиционализма, сильной привязанности к историческим корням, глубины укоренения в сознании народа общих принципов достигалась независимость, самобытность генезиса русской культуры.

На основе выявленных особенностей русской культуры, поиск путей преодоления кризиса в России несколько упрощается. Однако в конце XX в. между традициями и новыми ценностными установками в российском социуме обозначился сильный разрыв. В результате сознание большей части этноса перестало соответствовать культурно-исторической традиции и оказалось в дисгармонии с ней. Поэтому в повседневной жизни россиян исторические традиции не становятся частью их мировоззрения. Тем не менее в стенах церкви все традиции и обряды адекватно воспринимаются социумом, складываются в общий психологический настрой и коррелируют с историческим самосознанием русского этноса.

Выскажу в связи с этим следующее предположение: возможно, эффективным путем преодоления кризиса в России станет возрождение религиозного сознания русского народа, которое с 988 г. в значительной степени определяло уклад жизни на Руси.

Немаловажно и то, что духовный потенциал русской культуры, находящийся на глубинных уровнях исторического самосознания русского этноса, соответствует новым тенденциям в мире, что четко обозначено в работе О. Генисаретского «Культурно-антропологическая перспектива». Во-первых, это *реинституционализация духовно-практической деятельности*, т. е. складывание ранее вычеркнутых из истории институтов и традиций. Во-вторых, это публичное *признание духовной жизни как ценности*. Наконец, следует обратить внимание на борьбу культурно-ценностных элит за духовное лидерство, за духовную рецепцию предлагаемых ими культурных проектов, стилей духовно-практической и духовно-творческой деятельности. Таким образом, духовно-практический опыт, накопленный в историческом процессе русским народом, полагаю, будет востребован в современном мире. Более того, совмещая в себе некоторые черты постконфигуральной и конфигураальной культур, русский этнос может развить в себе высокую гибкость реагирования на внешние процессы, не теряя своей самобытности. Для западных же культур исторический опыт России может оказаться весьма необходимым для решения своих вопросов в духовной сфере. Перспективы генезиса русской культуры, на мой взгляд, будут связаны с повышением уровня развития самосознания каждой личности в отдельности и обращены в значительной степени к ее имманентному восприятию мира.

Литература

1. Коваль Т. Этика труда православия // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 6.
2. Мень А. Православное богослужение, таинство, слово и образ. М., 1991.
3. Лурье С. Историческая этнология. – М., 1997.
4. Генисаретский О. Культурно-антропологическая перспектива – Режим доступа: [//www.russ.ru/antolog/inoe/genis.htm/genis.htm](http://www.russ.ru/antolog/inoe/genis.htm/genis.htm)

5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.

Статья издана:

Панищев А.Л. Историческое самосознание в конфигуральной и постконфигуральной культурах // IX Международная конференция «Европейская русистика и современность» Стереотипность как концептосфера в русском языкознании, литературоведении, культурологии и лингводидактике. – Познань (Польша). – 2001. – С. 265-269.